

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 54

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 54 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 288 с.

ISBN 978-5-458-04703-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04703-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Памяти Васи́лія Петро́вича Преобра́женскаго.

Съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ берешься за перо, чтобы писать о Васи́ліи Петро́вичѣ. Некрологъ о немъ! Онъ былъ такъ молодъ и бодръ, повидимому такъ далекъ отъ смерти, такъ полонъ кипучей внутренней жизни и отзывчивости на все живое... Много потеряли въ немъ тѣ, которые знали его близко; но близко знали его только немногіе, и говоря о немъ съ посторонними ему людьми, невольно спрашиваешь себя, былъ ли бы онъ этимъ доволенъ, хотѣлъ ли бы онъ, чтобы послѣ его смерти говорили о немъ, когда онъ провелъ всю свою умственную жизнь въ тишинѣ, вдали отъ публики? Мы рѣшаемся на это, однако, и не только уступая личному чувству: мы не столько богаты умственными силами и выдающимися личностями, чтобы молчать о тѣхъ, которыя насъ покидаютъ. Именно потому, что самъ онъ почти ничего не писалъ, намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о немъ, чтобы отмѣтить своеобразныя, цѣнныя черты его умственного склада.

I.

В. П. Преображенскій былъ безспорно однимъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ людей нашего поколѣнія. Это былъ умъ необычайно живой, энергичный и ясный, исполненный неутолимой жажды знанія и на рѣдкость дисциплинированный. Потребность къ точному и дѣйствительному знанію, привычку къ добросовѣстной умственной работѣ

онъ умудрился приобрести еще въ гимназіи, которая обыкновенно оказываетъ самое растлѣвающее нравственное вліяніе именно на умственную дѣятельность своихъ питомцевъ. Про себя, по крайней мѣрѣ, могу сказать по совѣсти, что мнѣ всю жизнь приходилось бороться противъ того, что дала мнѣ гимназія. А я первые три моихъ школьныхъ года провелъ въ одной гимназіи съ Василиемъ Петровичемъ и даже былъ въ одномъ классѣ съ нимъ. Живю помню его совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ въ красной рубашечкѣ, самымъ младшимъ по возрасту изъ всѣхъ насъ и однимъ изъ первыхъ по успѣхамъ. Вижу его крошечную, живую фигурку съ бойкими, шаловливыми глазками впереди бородатыхъ великовозрастныхъ недорослей, помѣщавшихся на заднихъ скамьяхъ. Я рано и съ чувствомъ глубокаго облегченія оставилъ почтенное заведеніе, въ которомъ началъ свое гимназическое образованіе, и снова встрѣтился съ Василиемъ Петровичемъ лишь на университетской скамѣ. Послѣ меня въ старшихъ классахъ онъ проходилъ свой гимназическій курсъ подъ руководствомъ такихъ прекрасныхъ, уважаемыхъ педагоговъ, какъ А. Н. Шварцъ, П. П. Мельгуновъ, Торнеусъ и Ю. Ф. Випперъ, оставившихъ лучшую, сердечную память среди своихъ воспитанниковъ. Его учителя оцѣнили и развили его блестящія математическія и филологическія способности. Если кто-нибудь вкусилъ вполнѣ плоды „классическаго образованія“, такъ это Василій Петровичъ. Результатъ былъ прекрасный, хотя и не совсѣмъ тотъ, о которомъ мечтали насадители классицизма.

Преображенскій до конца жизни сохранилъ интересъ къ математикѣ; онъ занимался ею, изучалъ аналитическую геометрію и другія отрасли высшей математики, ища въ ней того умственнаго наслажденія достовѣрности и раціональной очевидности, которой онъ не находилъ въ философскихъ построеніяхъ. Онъ изучалъ въ ней совершенный типъ логической достовѣрности, логику чистой мысли. Но его умъ не могъ замкнуться въ сферу математической отвлеченности. Не даромъ избралъ онъ философскій факультетъ:

онъ былъ прирожденнымъ словесникомъ, филологомъ, любителемъ слова въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи. Онъ прекрасно зналъ древніе и новые языки, древнія и новыя литературы. И каждое литературное произведеніе, каждаго авторъ, будь то Дантъ или Платонъ, Шекспиръ или Кантъ, Паскъ или Мольеръ, или Ницше, или Лейбницъ, — онъ изучалъ филологически.

Преодо мной лежатъ рабочія тетради Василія Петровича, по которымъ можно прослѣдить поучительный процессъ его работы при чтеніи изучаемыхъ философовъ. Эти чистенькія, удто набѣло переписанныя тетради, покрытыя мелкимъ аккуратнымъ почеркомъ, служатъ свидѣтельствомъ самой тщательной, добросовѣстной и глубоко вдумчивой филологической работы. Онъ изучаетъ каждаго автора строчка за строчкой, старается усвоить особенности ихъ мысли, ихъ стили, ихъ словоупотребленія, уловить точный смыслъ каждаго термина и всякія неточности въ употребленіи терминовъ, за которыми такъ часто прячутся въ философскихъ системахъ неясности и противорѣчія мысли. Онъ подвергаетъ разбираемые тексты микроскопическому детальному изслѣдованію и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится понять каждое ученіе въ его цѣломъ, въ его развитіи и происхожденіи, понять внутреннее единство каждаго міросозерцанія, ту логическую и психологическую связь, которая соединяетъ разрозненныя части, разрозненные тексты одного и того же автора. Онъ вдается въ критическіе вопросы, поставленные накой относительно изучаемыхъ имъ источниковъ; онъ собираетъ возможно полную литературу изслѣдованій по каждому занимающему его философу и провѣряетъ ихъ самостоятельной работой. Онъ знакомится съ исторической средою каждаго мыслителя, тщательно изучая всѣ доступные біографическіе матеріалы, стремясь возможно глубже и полнѣе проникнуть въ самую лабораторію его творчества. Онъ не ограничивается никогда внѣшнимъ формально-логическимъ анализомъ, однимъ раскрытіемъ логическихъ промаховъ даннаго ученія и тѣхъ приемовъ, посредствомъ ко-

торыхъ такіе промахи прячутся отъ глазъ читателя и самого автора. Онъ стремится понять, какъ и чѣмъ эти промахи вызваны. Во всеоружіи строгихъ методовъ современнаго научнаго филологическаго изслѣдованія онъ стремится къ возможно болѣе вѣрному и точному, глубокому и объективному пониманію. Онъ постоянно боится субъективности своего пониманія — иногда съ тою излишней мнительностью, которой страдаютъ многіе истинные филологи и которая такъ часто парализуетъ столь многихъ ученыхъ. Щепетильная умственная чистоплотность заставляетъ его опасаться всякаго полужнанія, всякой неточности и неясности. „Не слѣдуетъ показываться въ халатѣ даже самому себѣ: искренность не замѣняетъ опрятности“ — такъ пишется онъ въ своихъ замѣткахъ. Какъ часто мы упрекали его за то, что онъ не хотѣлъ дѣлиться своими знаніями съ другими, что онъ, напримѣръ, не рѣшался изложить въ печати результаты своихъ чрезвычайно оригинальныхъ изслѣдованій о Платонѣ, или не познакомилъ русскую публику съ ученіемъ Сѣрена Къеркегора — самаго оригинальнаго и пламеннаго христіанскаго проповѣдника нашего вѣка, который былъ однимъ изъ любимыхъ его писателей. Онъ обѣщалъ о немъ статью, откладывалъ ее и такъ и не успѣлъ сдѣлать для этого мыслителя того, что такъ удачно сдѣлалъ для Ницше, его антипода.

II.

„Филологъ,—говоритъ Ницше,—есть учитель медленнаго чтенія“. И дѣйствительно, что такое филологія, какъ не наука истиннаго чтенія?

Одинъ изъ самыхъ большихъ грѣховъ нашего казеннаго, ремесленнаго „классицизма“ состоитъ въ томъ, что онъ вселяетъ отвращеніе къ истинному чтенію и даетъ навсегда извращенное представленіе о филологіи. Только настоящій филологъ умѣетъ читать, и главная задача филологическаго образованія состоитъ въ томъ, чтобы выучить читать. Обыкновенный читатель часто не имѣетъ даже представленія с

томъ, что такое истинное чтеніе, — онъ не подозрѣваетъ, какія громадныя знанія и какая школа нужны для такого чтенія; онъ полагаетъ, что для этого достаточно одной элементарной грамотности. Въ великихъ памятникахъ человѣческаго слова обыкновенный читатель не видитъ и десятой доли того, что въ нихъ написано, что рябитъ у него передъ глазами. Чаше, чѣмъ онъ думаетъ, онъ разыгрываетъ передъ ними роль гоголевскаго Петрушки: стоитъ прислушаться къ спорамъ о классицизмѣ, чтобы понять, до какой степени самое представленіе о существѣ и воспитательныхъ задачахъ филологіи чуждо нашему обществу. А между тѣмъ высшее образованіе столь же невысказано безъ филологической школы, какъ элементарное обученіе безъ простой грамотности. И если обученіе грамотѣ даетъ намъ лишь матеріальную возможность читать, то только филологическая школа развиваетъ въ насъ умственную способность зрячаго, сознательнаго, мыслящаго чтенія, объективно понимающаго и познающаго, которое не только наполняетъ умъ, но укрѣпляетъ его силы и является условіемъ истиннаго образованія.

Филологія въ высшемъ смыслѣ этого слова есть удѣлъ немногихъ избранныхъ, которые умѣютъ читать, обладаютъ даромъ и наукой чтенія. Нерѣдко они дорого платятся за это искусство: оно поражаетъ ихъ литературнымъ безплодіемъ, мѣшаетъ писать даже тогда, когда они обладаютъ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, какъ то было, напр., и съ Василиемъ Петровичемъ. Требованія такихъ людей, воспитанныхъ на величайшихъ памятникахъ слова, слишкомъ высоки, критическое чувство слишкомъ строго и чутко; *читатель* слишкомъ превосходитъ въ нихъ *писателя*.

Истинныхъ филологовъ немного повсюду, у насъ въ особенности. Но если правда, что міръ стоитъ немногими праведниками, то просвѣщеніе держится немногими истинными филологами, которые учатъ читать прочее человѣчество, — я разумѣю именно филологовъ-гуманистовъ, а не грамма-

тиковъ или языковѣдовъ, разрабатывающихъ одну изъ спеціальныхъ отраслей филологіи. И если наступитъ время, когда такіе филологи исчезнутъ, когда имъ не останется мѣста среди всеобщей демократизаціи образованія, тогда просвѣщеніе придетъ въ упадокъ, и никакіе успѣхи техники не замѣнятъ древняго и мудрѣйшаго изъ человѣческихъ искусствъ—искусства чтенія.

Василій Петровичъ вкусилъ отъ филологическаго древа познанія, и это наложило печать на его философское міросозерцаніе. Міросозерцаніе это было чисто-скептическимъ. Основательно знакомый съ древней и новой философіей, онъ не примкнулъ ни къ одному ученію: и матеріализмъ, и спиритуализмъ, и эмпиризмъ, и новокантіанство, и раціоналистическая метафизика и философія ирраціональная одинаково не удовлетворяли тѣмъ строгимъ логическимъ требованіямъ, которыя онъ къ нимъ предъявлялъ. И, тѣмъ не менѣе, самъ онъ страстно любилъ философію и всего менѣе подходилъ къ типу скептическихъ ея отрицателей. Его скепсисъ былъ философскимъ скепсисомъ, который движимъ любовью къ истинѣ и не успокоивается ни на какихъ мнимыхъ замѣнахъ этой истины дѣломъ рукъ человѣческихъ. Въ философіи онъ твердо держался второй заповѣди: „не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елико на небесѣхъ горѣ, елико на землѣ низу, елико въ водахъ и подъ землею; да не поклонишися имъ и да не послужиши имъ“. Это цѣнное и рѣдкое свойство философскаго ума, рѣдкое у насъ въ особенности, не мѣшало ему понимать великое значеніе философіи въ умственномъ и духовномъ развитіи человѣчества; и оно не мѣшало ему цѣнить интеллектуальную красоту, высшее художественное совершенство отдѣльных „кумировъ“ философіи, отдѣльных ея твореній.

Онъ былъ скептикомъ по добросовѣстной любви къ философіи, скептикомъ по складу своего яснаго, энергичнаго критическаго ума; и его скептицизмъ закалился его филологіей, такъ же, какъ логика его окрѣпла въ его математической школѣ. Глубокія историко-филологическія занятія

во многихъ умахъ способствовали развитію своеобразнаго скептическаго міросозерцанія. Между филологіей и скептицизмомъ нерѣдко наблюдался родъ химическаго сродства, въ силу котораго скептики предавались филологіи, и филологи становились скептиками. Мы видимъ это и у первыхъ скептиковъ и филологовъ древности — у греческихъ софистовъ, и у гуманистовъ эпохи Возрожденія и въ нашемъ вѣкѣ, напримѣръ, у Ренана, который, впрочемъ, прежде всего былъ литераторомъ, а потомъ уже филологомъ и скептикомъ.

Филологъ лучше другихъ знаетъ всю лживость человѣческаго слова; онъ больше и глубже читалъ, чѣмъ другіе; онъ знаетъ, какъ пишется *всякая* исторія и глубже другихъ изучилъ самый процессъ возникновенія человѣческихъ мнѣній. Въ своемъ стремленіи къ точному и объективному пониманію памятниковъ человѣческаго слова, онъ интимнѣе другихъ переживаетъ различныя, чуждыя ему міровоззрѣнія во всемъ ихъ индивидуальномъ разнообразіи. И уже одно это подкапываетъ въ немъ наивную вѣру въ философскіе догматы, все равно теоретическаго или этическаго характера. Чѣмъ болѣе углубляется онъ въ исторію духовной жизни человѣчества, тѣмъ болѣе проникается ея разнообразіемъ; во всѣхъ ея творческихъ проявленіяхъ онъ чтить и съ любовью изучаетъ человѣка; но знатокъ и любитель слова, стремящійся понять его жизнь, онъ отказывается обоготворять это человѣческое слово. Философскія и нравственныя ученія являются ему величайшими человѣческими твореніями, и онъ изучаетъ ихъ прежде всего какъ мыслящій филологъ.

Главный успѣхъ нашего вѣка въ *изученіи* философіи состоитъ именно въ усвоеніи строго-научнаго историко-филологическаго метода. Наряду съ философскимъ критицизмомъ Канта такое изученіе философіи всего болѣе подкапало догматизмъ философскихъ построеній прежняго времени способствовало углубленію и расширенію самосознанія философской мысли. Оглядываясь на пройденный ею путь,

изучая и провѣряя все сдѣланное ею, она глубже поняла относительность своихъ твореній. Можетъ ли она остановиться на такомъ результатѣ, отказаться навсегда отъ стремленій къ истинному, цѣлостному міропониманію, къ дѣйствительному философскому синтезу? Можетъ ли она отречься отъ той вѣры въ истинный разумъ, въ *истинное слово*, которая проникала ее отъ начала? Не думаю. Но во всякомъ случаѣ, такая вѣра нуждается въ новомъ оправданіи, и тотъ философскій синтезъ, который требуется нынѣ, долженъ удовлетворять универсально-историческимъ требованіямъ. Возможенъ ли такой синтезъ или нѣтъ, этихъ требованій уже нельзя и не слѣдуетъ понижать; и въ томъ-то и назначеніе скептицизма, чтобы стоять на стражѣ философіи и быть ея постоянною, живой обличительной совѣстью, мѣшая ей принимать человѣческіе „идолы“ за вѣчные идеалы.

III.

Василій Петровичъ былъ скептикомъ особеннаго типа, въ которомъ философское сомнѣніе и логическій критицизмъ сочетались съ глубокой любовью къ философіи. Его скептицизмъ не былъ отвлеченнымъ ученіемъ о невозможности философіи. Подобно большинству изъ любителей философіи нашего поколѣнія, онъ началъ съ модныхъ въ семидесятыхъ годахъ англійскихъ ученій; но онъ быстро извѣрился и въ эмпирической логикѣ и психологіи, убѣдившись въ логической несостоятельности первой и совершенной безсодержательности второй. Онъ и впослѣдствіи отрицалъ *философское* значеніе современной психологіи, въ чемъ, по моему крайнему разумѣнію, былъ совершенно правъ, и что съ такою убѣдительностью показываютъ новѣйшія психометрическія упражненія, путемъ которыхъ иные наивные люди думаютъ разрѣшить вѣковѣчныя проблемы умозрѣнія¹⁾.

¹⁾ Разумѣется, специально-научнаго значенія психо-физики или психо-физиологіи, какъ особаго отдѣла общей физиологіи, онъ не отрицалъ.

Не удовлетворяла В. П. Преображенскаго и столь популярная лѣтъ двадцать тому назадъ „синтетическая“ философія Герберта Спенсера, основнымъ началамъ которой онъ посвятилъ выдающуюся работу въ своемъ кандидатскомъ сочиненіи „О реализмѣ Герберта Спенсера“.

За эту работу онъ былъ оставленъ при университетѣ. Ему открывалась профессорская карьера, въ которой его блестящія способности обеспечивали ему успѣхъ и извѣстность. И несмотря на свое безграничное трудолюбіе, на неустанную научную дѣятельность, руководимую высшимъ интересомъ, онъ вскорѣ отказался отъ учительства, къ удивленію всѣхъ насъ, цѣнившихъ его знанія и умственную силу: онъ считалъ себя слишкомъ субъективнымъ, чтобы учить философіи; онъ сознавалъ себя слишкомъ скептикомъ, слишкомъ искателемъ, чтобы быть преподавателемъ; онъ дорожилъ независимостью своей умственной жизни.

Отъ эмпириковъ В. П. еще въ университетѣ перешелъ къ Канту и къ метафизикамъ, древнимъ и новымъ. Метафизическія построения, не удовлетворяя его логическимъ требованіямъ, привлекали его глубиною и красотою, полетомъ мысли. Его скептицизмъ состоялъ въ глубокомъ сознаніи неизбежной субъективности человѣческой мысли, неизбежной условности и относительности чистой мысли. Это сознаніе питалось въ немъ тщательнымъ критическимъ изученіемъ отдѣльныхъ ученій въ ихъ происхожденіи и развитіи. И съ этой точки зрѣнія достоинство отдѣльныхъ ученій, философскихъ, нравственныхъ или религіозныхъ, измѣрялось для него достоинствомъ, гениальностью, творчествомъ той субъективной личности, которая въ нихъ раскрывалась. Вотъ почему онъ чувствовалъ особое влеченіе къ философскимъ признаніямъ тѣхъ мыслителей, которые дали наиболѣе искреннее выраженіе своей личной мысли, выразили свою внутреннюю умственную жизнь и свое лично-настроенное міросозерцаніе въ лирической формѣ дневника, афоризма, монолога или проповѣди. Таковы были для него Амизль и Паскаль, Ницше и Сѣренъ-Кьѳркегоръ. Онъ любилъ Шо-

пенгауэра за глубокое выраженіе его индивидуальнаго философскаго лиризма, любилъ Платона за геніальное художество и высокую честность его мысли, за его скепсисъ въ сочетаніи съ глубокимъ идеальнымъ эросомъ, съ вдохновеннымъ творческимъ паэосомъ.

И однако онъ не былъ послѣдователемъ тѣхъ мыслителей, которыми увлекался, — Платона или Шопенгауэра, Ницше или Кьёркегора. „Мнѣ часто кажется, — говоритъ онъ, — что главное основаніе, опредѣляющее характеръ тѣхъ метафизическихъ и религіозныхъ системъ, которыя человѣкъ строить себѣ, очень похожи на инстинктъ самосохраненія и его можно назвать *идеальнымъ самосохраненіемъ*. Всякій строить себѣ домъ по потребностямъ и вкусамъ—разумѣется соображаясь со средствами, и у кого ихъ нѣтъ, тотъ селится въ чужомъ домѣ, или ночуетъ подъ первой попавшейся крышей и даже подъ открытымъ небомъ; но всегда человѣкъ ищетъ себѣ такого обиталища, которое отвѣчаетъ его глубокимъ потребностямъ и влеченіямъ, и инстинктивно строить себѣ міръ такимъ, въ какомъ онъ желалъ бы жить и дѣйствовать. Одинъ ищетъ спокойнаго и уютнаго жилища, другой—мрачныхъ, но величественныхъ развалинъ, третій — благоустроенныхъ казармъ, а четвертый—сумасшедшаго дома.—Я думаю, что и достоинство міровоззрѣній опредѣляется въ концѣ концовъ достоинствомъ тѣхъ потребностей, которыя нашли въ нихъ свое выраженіе, ибо потребности бываютъ и благородными и низменными, а инстинктъ самосохраненія—иногда извинительнымъ, а иногда достойнымъ презрѣнія“.

Нѣтъ аксіомъ чистой философіи. „Всеобщія и необходимыя истины это такія истины, которыхъ многіе вовсе не знаютъ и которыя большею частью никому не нужны“. Но еще менѣе возможно было бы говорить о какихъ-либо „аксіомахъ воли“ и подвергать тѣ или другія философскія ученія отвлеченно-моральной оцѣнкѣ. „Во всѣхъ спорахъ о нравственномъ и безнравственномъ забывается одно, что нѣтъ *аксіомъ воли*, иначе говоря, что въ основаніи человѣ-